

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ГЕРОИКЕ

Героическая тема и воспитание патриотизма на уроках литературы. Продолжение разговора

Арсений
Замостьянов

Старинная школьная традиция диктует особое отношение к юбилейным датам, связанным с героическими вехами нашей истории. Так, в дореволюционной школе широко отмечались юбилеи Полтавской победы, Тысячелетие России, столетие победы над Наполеоном в 1912-м и Трёхсотлетие династии Романовых в 1913-м... Вокруг каждой даты была организована кампания, в ходе которой учителя и школьники представляли свои творческие работы, внимательно изучали материалы того или иного героического периода. Традиция эта поддерживалась и в советское время. До середины тридцатых годов особое значение придавалось юбилеям, связанным с историей Интернационала, а со второй половины тридцатых — историческим и историко-революционным датам нашей Родины. Мы помним, как плодотворно поработали наши учителя и в 1995 году над празднованием пятидесятилетия Победы. Праздник получился на славу, в ходе кампании были изданы учебные пособия, выработаны новые программы. Именно тогда многие из нас обратили внимание на пагубную (и уж во всяком случае — спорную) практику рабского копирования западных исторических концепций, в основе которых лежит дискредитация российской и советской политики, дегероизация нашей истории. Увы, с тех пор прошло восемь лет, а скандальный учебник новейшей истории А.А. Кредера продолжает обрабатывать всяческими пособиями и «рабочими тетрадями». Излишне говорить о том, как преподносится роль Советского Союза в Великой Отечественной авторами этого круга. Высадка в Нормандии да африканская победа над войсками Роммеля при Эль-Аламейне — вот что предлагается современному школьнику в качестве квинтэссенции героики Второй мировой. Где уж тут упомянуть битву за Москву, Курскую дугу, битву за Кавказ или Корсунь-Шевченковскую операцию... Но особенную боль вызывает кредеровское изложение Сталинградской эпопеи. И эту священную для нас тему современный саратовский учёный ухитряется ужать, унижить, оскотить. В феврале 2003 года мы отмечаем шестидесятилетие Сталинградской победы. Вспоминается строка М. Львова, ставшая песней на музыку А. Пахмутовой: «Поклонимся великим тем годам!» Это написано о Сталинграде. Несомненно, что и теперь мы должны постоянно обращаться к героическим образам Великой Отечественной, в особенности — в дни юбилеев славных сражений. Такая актуализация литературной героики значительно облегчит и решение прямых задач учителей литературы. Ведь без острой популяризации историко-литературной фактуры мы не привлечём школьника к книге — ни к типографской, ни к виртуальной. Период с 2003 года по 2005-й даст нашим учителям литературы и истории неплохие возможности для пропаганды своих дисциплин. Шестидесятилетия побед 1943–1945-х, венчающиеся шестидесятилетием Победы, должны вдохновить нас на плодотворные программы. Есть надежда, что в юбилейные дни союзником учителя станет даже телевидение.

1

Корни русской героики уходят в глубь веков. Мы уже говорили о древнерусской героике, о великом культурообразующем смысле Куликовской битвы. Говорили мы и о героике XVIII столетия — века военных побед и побед Просвещения (НО, 2002, № 8). Сейчас нам необходимо коснуться ряда принципиальных положений, без которых невозможно понять феномен русской героики, столь важный для школьных и вузовских курсов истории литературы и истории Отечества.

1

См, например, своеобразную антологию «1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников» (М., 1987).
Во вступительной статье к этому изданию — «Недаром помнит вся Россия...» — О.Н. Михайлов пишет о русских поэтах, воспевших героев 1812 года: «Они учат нас восхищаться славным прошлым России, любить свою Отчизну и беречь её» — указ. изд., с. 10. Можно смело рекомендовать это издание всем нашим учителям.

2

Обзор суворовской темы в русской поэзии см. в издании: *Замостьянов А.А.* Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. М., 2000. С. 64–133.

3

См. классическое исследование суворовской поэзии в издании: *Алексеев В.А.* Суворов-поэт. СПб., 1901.

4

Лисунов А.П. Пушкин — историк Петра. М., 1997. С. 22.

Ревизия так называемых «авторитарных ценностей», осуществлявшаяся в нашем обществе в последние полтора десятилетия, коснулась и истории литературы. Литературные произведения перестали рассматривать в аспекте служения государству, прогрессу и общественной полезности. Недостойной серьёзного внимания оказалась социальная составляющая творчества — а ведь это одна из важнейших линий истории русской литературы! Нельзя игнорировать глубинной связи с государственной идеологией русской литературы XVIII века, когда в поэзии господствовала не идея *свободы*, а идея *просвещения*, то есть — посильного служения поэзии для блага государства и общества. Необходимым наполнением этой поэзии был образ героя, служащий читателям примером различных добродетелей, иерархия которых диктовалась и авторским стилем того или иного поэта, и исторической целесообразностью. Такой герой, говоря современным языком, был олицетворением национальной идеи, которая способствовала утверждению великой культуры, науки и армии, развитию промышленности и сельского хозяйства в России XVIII века.

Особенное значение в истории русской поэзии XVIII века имели образы Петра Великого и А.В. Суворова, а в начале XIX — образы русских героев наполеоновских войн, в первую очередь Отечественной войны 1812 года. Имена Кутузова, Барклайя и Кульнева, Тучковых, Раевского, Дениса Давыдова, Василисы Кожиной остались в «активном словаре» русской поэзии на долгие годы¹, стали неотъемлемой частью нашей культуры, как и их великие предшественники — Пётр Великий и А.В. Суворов. Без этих героев невозможно составить мнение о русской поэзии, они важны для отечественного стихотворчества не менее, чем Агамемнон, Ахилл, Аякс и Александр Македонский, Жанна д'Арк и Наполеон — для мирового. При жизни Суворова полководцу посвящали стихи такие крупнейшие поэты того времени, как Г. Державин, И. Дмитриев,

Е. Костров, А. Шишков, а также Д. Хвостов, И. Завалишин и другие. Образ Суворова стал одним из центральных в поэзии каждого из них² — и сам полководец откликался стихами, многие из которых также остались в истории русской литературы и в нашей политической истории³... Примечательно, что и в наше время образ Суворова не теряет актуальности для поэтов; имя героя звучит и в стихах, и в песнях.

Например, в газете «Сыны Отечества» от 6 июня 2000 года читаем стихотворение Николая Шахмагонова «Суворовский марш»:

Мы с тобой с ранних лет в жизни
лёгких путей не искали,
Привела нас мечта в вечно юный
суворовский строй.
И знамёна вручил нам в годину
суровую Сталин,
Чтобы мы, как Суворов, страну
заслоняли собой.

Суворовский образ не теряет актуальности для русской поэтической героики.

Отражение образа Петра Великого в нашей поэзии (прежде всего — в поэзии А.С. Пушкина) было рассмотрено в исследовании А.П. Лисунова «Пушкин — историк Петра». Слова Лисунова, относящиеся к Петру, применимы и к другим героям русской поэзии. Линию «идеология — пропаганда — поэтический образ», прослеженную Лисуновым, можно воспринимать как прецедент, важный для всей русской литературы:

«Образ Петра давно уже перестал играть в нашей культуре роль исторической личности и превратился в символ определённого отношения к жизни... Православная культура, исповедующая высокие идеалы любви и терпения, была постепенно вытеснена культом человека, сумевшего удивить мир явлением своих военных и политических побед»⁴. Отвлечёмся от оценок, которых не пожалел современный исследователь для Петра и его апологетов, и проследим за утверждением новой идеологии, в котором поэт играл едва ли не основную

роль: «Усилиями одной исторической науки и государства добиться подобного результата было бы невозможно. Здесь требовалось участие общенационального, духовного авторитета — художника, способного своим искусством подтвердить ведущую роль российского императора в культурной жизни общества»⁵. Заметим, что «ведущая роль российского императора» Петра Великого задолго до А.С. Пушкина была подтверждена не менее весомым «духовным авторитетом» — М.В. Ломоносовым, чья эпическая поэма «Пётр Великий» даёт нам самый яркий образ героя в додержавинской русской поэзии. И образ Петра у Пушкина (в особенности это касается стихотворения «Пир Петра Великого») восходит к ломоносовскому. Конечно, Пушкин усложняет царственный образ, делает его осознанно многоплановым. Д.Д. Благой пишет о пушкинском Петре: «Это — великий исторический деятель, «мощный властелин судьбы», повелевающий самой стихией; и вместе с тем это — «ужасный», «грозный царь», «горделивый истукан» самовластья, безжалостно сокрушающий всё, что становится поперёк пути, беспощадно преследующий малейшую попытку протеста, даже если она исходит из уст обезумевшего от постигшей его страшной катастрофы, походя погубленного им человека»⁶. Сравним это определение⁷ с определением другого героя — гомеровского Агамемнона: «Он деспотичен и даже бесчеловечен, жаден и труслив, но он от души скорбит по поводу поражения своего войска, сам бросается в бой и получает ранение, а в конце концов бесславно гибнет от руки собственной жены; но и ему не чужды нежные чувства»⁸. Характеристику гомеровского Агамемнона, в которой отмечался и его государственный ум, и качества вождя, Лосев завершает таким резюме: «Итак, Агамемнон у Гомера — мощный, славный, могущественный витязь и царь, неустойчивый и слабохарактерный, жадный и сластолюбивый, скромный и податливый, грабитель и хищник, смелый критик Зевса, часто трус и пьяница с лирически тонкой, глубочайше оскорблённой и бесконечно страдающей душой»⁹. Мы ви-

дим, что диалектическая сложность героических образов в русской поэзии (по определению Д.Д. Благого — «исторически обусловленное единство противоречий в облике и деле Петра»¹⁰) восходит к античным эпическим образам.

Чтобы проследить многократное повторение этого прецедента (утверждение идеологии, утверждение культа того или иного героя в нашем обществе посредством поэтического творчества), необходимо отрешиться от негативного восприятия термина «культ» по отношению к тому или иному национальному герою, воспетому в поэзии. Образы святых, воссиявших на родной земле (высшие по иерархии герои), и сонм героев, культ которых воспринят обществом, — это неотъемлемый атрибут любой зрелой национальной культуры.

К другой группе героев, воспеваемых русской поэзией 1730–1810-х, необходимо отнести слуг просвещения, истовых его ревнителей. Эти герои занимают важное место в русской поэзии того времени. Вдохновенный пафос известных пророческих строк М.В. Ломоносова показывает, насколько сокровенным для русской поэзии был образ мыслителя, учёного:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

(Ода на день восшествия на всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года)

Этот ломоносовский образ, на первый взгляд вполне риторический, является одним из самых трогательных и задушевных в русской поэзии. В стихотворении Н.А. Некрасова «Школьник», как известно, есть прямое указание на Ломоносова — «архангельского мужика», кото-

5

Лисунов А.П.
Пушкин — историк
Петра. М., 1997. С. 22.

6

Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 216, 217.

7

Заметим, что определение Благого подходит и к образу Петра, созданному Феофаном Прокоповичем и Борисом Чичибабиным.

8

Лосев А.Ф. Гомеровский эпос // Античная литература / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1986. С. 48.

9

Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 285–287.

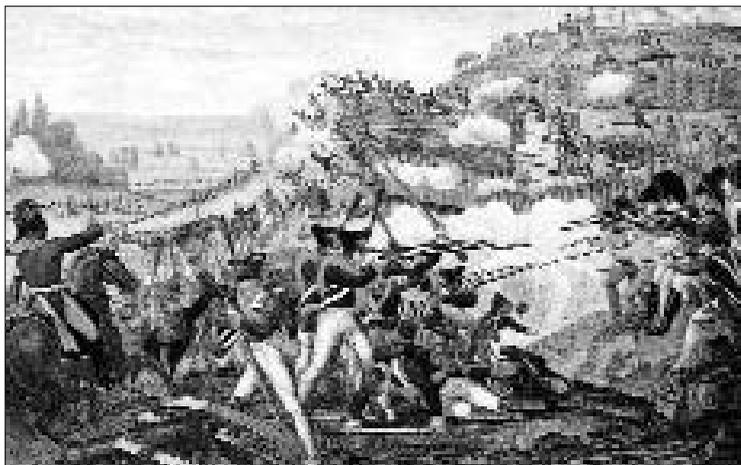
10

Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1995. С. 217.

рый «стал разумен и велик». А в литературе нашего времени заметным явлением стал рассказ писателя Бориса Екимова «Фетисыч», разрабатывающий всё тот же ломоносовский мотив. Этот мотив связан с героической *Просвещения*, в которой высоко поднимаются миссия педагога и народное стремление к учению, стремление

технологии, наслаждения «чистым» ощущением... Другие, настоящие, пути: от самоценного и пустого плетения слов — к искусству, овладевающему всем богатством действительности, искусству больших идей, искусству, служащему великому делу построения нового человеческого общества»¹¹.

Осада Парижа Гравюра Ламберта. I четверть XIX в.

к свету. Современный провинциальный мальчик, которого показал Екимов, преодолевает различные преграды на пути к обычному среднему образованию и становится в наше время фигурой чуть ли не героической.

2

Об общественно значимой ценности художественного творчества и ущербности игнорирования просветительской функции литературы сообразно духу своего времени писал И.А. Виноградов:

«Художник, освобождённый от общественных задач, освобождённый от смысла, бормочет, наслаждаясь плетением артикуляционных движений. Какое жалкое и страшное зрелище! Такое искусство — бескровная тень. Но это тень фетишизированной, перенесённой в сферу «чистого» эстетического созерцания, буржуазной практики. Это фетишизация социального атомизма, беспредметной

Об общественной роли поэзии, показывающей образы почитаемых героев, писали классики нашей словесности: Г.Р. Державин, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, П.Я. Вяземский, К.Ф. Рылеев, В.Я. Брюсов, М.И. Цветаева, В.В. Маяковский и др. Разумеется, опора на произведения этих авторов (хотя этот список можно и нужно продолжить) необходима в любом учебном разговоре о литературной героике. Эта проблематика входила в их поэтическую лабораторию. Тема «образы героев в поэзии» имела для русской поэзии важное практическое значение. И следует обратить внимание на влияние этой традиции, идущей от первых наших поэтов XVII века к поэтам века XVIII, посвятившим ей свои лучшие строки, и, через Державина, к авторам позднейшим.

Герой, своими подвигами и добродетелями подающий пример обществу, — вот идеал русской поэзии XVIII века. Такой герой, становясь поэтическим образом, ведёт за собой общество так же, как в бою он ведёт за собой войско. Это предназначение героя глубоко понимал поэт Василий Петрович Петров. В оде Румянцеву Петров пишет:

В груди ведуша их героя
Геройства Россы черпля дух,
Несут сомкнуто ужас строя,
Стеной палящей движась вдруг.
(1775)

Сквозь нагромождения инверсий, которыми поэт намеренно насыщал свой торжественный стих, угадывается центральный образ «ведуша их героя», героя, подающего пример. Этот герой (не всегда — Румянецв) и был главным во всей поэзии Петрова.

Героические образы в русской поэзии XVIII–XIX веков, образцы «искусства больших идей», служили общественному благу. Ведь не случайно писал К.Ф. Рылеев о Г.Р. Державине — поэт о поэте:

Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.
...
Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
...
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.
(Из думы «Державин», 1822)

Служение государству, царю и общественному благу не считалось унижительным для поэзии, напротив, почиталось как добродетель. И, разумеется, это мировоззрение отразилось в творчестве многих поэтов того времени — от М.В. Ломоносова и В.К. Тредиаковского до современников 1812 года. В изменённом виде это мировоззрение отразилось и на творчестве Л.Н. Толстого.

Традиции XVIII века оказались наиболее плодотворными именно в гражданственной линии русской поэзии. А любовь к героям «столетья безумного и мудрого» была свойственна и Пушкину, и многим его последователям; ведь эта эпоха стала русским Золотым веком (по Гесиоду, к которому восходит это понятие, Золотой век был временем *героев*). Образы героев, воспетых поэтами 1730–1810-х, были так значительны, что Г.П. Федотов придавал им решающее значение в формировании пушкинской эстетики.

То, что Г.П. Федотов относит к Пушкину, можно отнести ко всей нашей классической литературе: «Героические воспоминания минувшего века окружают детство Пушкина. Летопись побед России воплощается в незабываемых памятниках, рассеянных в чудесных садах Екатерины. Личная биография поэта на заре его жизни сливается с историей России: её не вырвать из сердца, как первую любовь»¹².

Характерно, что задолго до Г.П. Федотова А.В. Дружинин в своей программной статье о Пушкине аттестует поэта как «певца Петра Великого и карателя клеветников России»¹³. Показательно, что А.В. Дружинин отнюдь не был апологетом одной лишь героической и идеологизированной поэзии; его эстетика была шире таких рамок. Но и он видел в образе Петра стержень поэзии Пушкина.

Как некогда героическая «спартанская» поэзия Каллина и Тиртея стояла у истоков мировой литературы, первыми этапами новой русской литературы были отклики на военные победы Петра Великого, а позже — на подвиги подданных Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, Павла I и Александра I, от ломоносовской «Оды блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» до «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского. События политической истории России становились и событиями литературными, между историей Российской империи и историей нашей литературы существовала крепкая связь, основанная на взаимовлиянии. Особенно показателен «Разговор с Анакреоном» М.В. Ломоносова, написанный между 1756-м и 1761-м:

Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Свободны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишён,
Героев славой вечной
Я больше восхищён.

Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин: суждения и споры. М., 1997. С. 264.

Солдат-ветеран 1812 г.
Литография П. Пети по оригиналу
Р. Жуковского 1844 г.

Дружинин А.В.
А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 54.

Так писал Ломоносов, оппонировав эпикурейству и аполитичному эстетству, а также всей «лёгкой» поэзии, к тому времени широко распространённой в Европе. Гражданственной поэзии, которую классицисты ставили превыше любой другой, необходим был идеал; как божественный, так и человеческий, воплощённый в героях. И современники — русские герои

Александр Невский.
Средняя часть
триптиха «Александр
Невский». Фрагмент.
1942. П.Д. Корин

XVIII века, — и герои допетровской русской и мировой истории были достойным материалом для такой поэзии. Не случайно молодой А.С. Пушкин замечает единство поэзии и героизма, литературного творчества и бранных подвигов:

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.
(«Воспоминания в Царском Селе», 1814)

Свою ретроспективу русской доблести на том же историческом этапе дал и Г.Р. Державин, представив защитников Родины как прямых и победительных оппонентов вечных завоевателей:

Мамай, Желковский, Карл путь свят
К бессмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;
Кутузову днесь — Бонапарт.
(«Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества», 1812, 1813)

Здесь герой определяется как защитник и спаситель Отечества.

В пушкинском «Воспоминании...» подвиги героев и их поэтическое прославление воспринимаются в гармоническом единстве, как монолит определённой культуры. Пушкин писал эти строки, когда Отечественная война уже завершилась победой и державинским «Гимном лиро-эпическим на прогнание французов из Отечества», но русские герои ещё не окончили свой ратный труд в Европе. Война 1812 года стала толчком к написанию многих патриотических строк о новых великих героях.

В 1812 году Ф.Н. Глинка, по существу, интерпретирует сюжет В.Н. Петрова о Румянцеве и солдатах, открывая для русской поэзии нового героя, прославленного, впрочем, ещё в суворовских походах 1799 года. Конечно, поэт использует и фольклорные мотивы, дух народных солдатских песен, без которого не существовало бы всей русской героической поэзии (как мы увидим, её корни — в народном эпосе):

Здесь Милорадович пред строем,
Над нами Бог, победа с ним;
Друзья, мы вихрем за героем
Вперёд... умрём иль победим!
(«Авангардная песнь», между
1812–1816)

И — главный образ, преподносящий героизм как счастливый пример. Глинка делает это двустипийным припевом, завершающим каждую строфу песни:

Идём, идём, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Всё это близко солдатской песне. И в другом образце творчества Фёдора Глинки («Авангардная песня» 1813 года) мы видим прямой монтаж солдатской песни, обработанной поэтом. Он берёт эти строки в кавычки, делая их репликой солдатского «общего гласа», то есть — народного гласа:

Милорадович где с нами,
Лавр повсюду там цветёт;
С верой, с ним и со штыками
Русский строй весь свет пройдёт!..

Поэт прибегает к образности, свойственной русским былинам, к фольклорной образности.

Героический образ Милорадовича — это одно из связующих звеньев между поколениями героев русской поэзии. С одной стороны, он — герой суворовских походов 1799 года. С другой стороны, Милорадович — лихой герой наполеоновских войн. Для Фёдора Глинки это важно: генерал Милорадович — олицетворение суворовских победных традиций в новом, XIX веке (здесь нельзя избежать ассоциации с судьбой Милорадовича, с его героической смертью от пули Петра Каховского).

Героические образы в русской поэзии были насущной необходимостью для многих поколений русских читателей; на них воспитывались, на них учились. В доктрине народного образования, которой руководствовалась Россия и в XIX веке, и в начале XX века и — после нескольких лет перерыва — с конца 1930-х, литературные (в первую очередь — поэтические) героические образы были важной составляющей в изучении родного языка, родной культуры с первых шагов учащегося в образовании. Вокруг этого велись научные споры и идеологические дискуссии, время от времени обострявшиеся, радикализировавшиеся. Так, в развернувшейся в начале XX века (в особенности — в 1910–1913 годах) дискуссии о патриотизме в образовании, в которой приняли участие, с одной стороны, просветители-демократы, а с другой стороны — просветители-консерваторы, были провозглашены крайние позиции. Полное забвение национальных героев и патриотических ценностей у демократов, вымарывавших из стихотворений Лермонтова и Пушкина, публиковавшихся в хрестоматиях, всю героику, все патриотические мотивы. И, напротив, постоянное обращение к патриотическим ценностям в русской литературе у публицистов, близ-

ких к ортодоксальному почвенничеству. Многие мысли, связанные с ролью героических образов, которые были высказаны в этой дискуссии, актуальны по сей день. Например, Л. Спицына в статье, помещённой в сборник

«Школьная подготовка второй русской революции», сетует, разбирая школьный сборник «Слово» для начальных училищ: «О Родине говорится только в перечне нескольких городов и рек России и затем в следующей прописи: «В Турции главный город Константинополь, в Греции — Афины, в Англии — Лондон, в России — Петербург»¹⁴. Так складывались принципы образования, целью которого является формирование не граждан (при монархии — подданных) России, а граждан мира, лишённых патриотического сантимерта. Конечно, в подобных школьных сборниках не было места и для патриотической русской поэзии, и для воспетых ею национальных героев. Героика преподносилась только в революционном ореоле. Известно, какие глубокие социальные последствия (не будем давать им чётких оценок) имела пропаганда дегероизации истории России и русской поэзии. Этот исторический сюжет подтверждает огромную идеологическую важность героических образов русской поэзии, всегда сопутствовавших нашему обществу в годы испытаний. Так, в конце 1930-х, в преддверии великой войны, героическим образам (в том числе — и из русской поэзии) снова стали придавать огромное идеологическое значение.

Образ победы, важнейший для нашей традиции, был в русской поэзии воплощением общего, народного героизма. Победа противопоставляется бессмысленному существованию прозябающего, не добывающегося успехов организма. Образ победы важен для державинской оды «На взятие Измаила», образ победы был актуален и для рус-

14

Школьная подготовка второй русской революции. СПб., 1913. С. 17.

К.М. Симонов

15

О советской массовой песне того времени см. исследование Ю.И. Минералова «Так говорила Держава». М., 1995.

ской поэзии 1810-х годов, поэзии участников и свидетелей Отечественной войны 1812 года и других славных походов русской армии, победившей в Наполеоновских войнах. Многомерный поэтический образ победы, рождавшийся в литературе 1730–1810-х, был выражением народного идеала, идеологическим фундаментом общественного согласия в триединстве «Православие. Самодержавие. Народность». Поэтический образ победы был стержнем этой идеологии. Поэтому в 1910-х и 1990-х годах противники российской государственнической идеологии придавали такую важную роль компрометации российской героики, компрометации образа победы.

3

Переход от русской литературной героики допушкинского и пушкинского времени к героике XX века, в особенности — к прозе и стихам, посвящённым Великой Отечественной, оказывается на редкость органичным. Причина ясна: писатели XX века, несмотря на их изрядный новаторский потенциал, оказались продолжателями традиций. Массовая советская песня 1930–1950-х, глубоко укоренённая в русской культуре, стала, пожалуй, самым влиятельным художественным отражением великой войны¹⁵. Безусловно, героика XX века — одно из важнейших литературных направлений. Но героическая тема присутствовала

Кукрыныксы. 1941 г.

А.А. Дейнека. Украина москвы. Ноябрь 1941 г.

и в другом, самом массовом из искусств — в кинематографе. Собственно, советский кинематограф как культурное явление общенародного масштаба и начался с революционной героики таких художественных фильмов, как «Броненосец «Потёмкин», «Чапаев», «Мать», «Путёвка в жизнь». С 1930-х годов кинематограф стал истинно народным искусством, переработав в своих жерновах фактуру других искусств — литературы, театра, живописи, фотографии. XX век вообще характеризуется повышением культурной роли массового искусства, элементы которого проникают и в так называемую *большую литературу*, осваивающую классическое наследие. Это порой печальное, но закономерное явление. С успехами технического прогресса понижается роль личности, усиливается влияние коллектива, массы — и элитарное искусство становится маргинальным. Пожалуй, самое верное определение XX века — это «*век масс*». И шедевры героики русских писателей XX века рождались на стыке классической и массовой литературы, отталкиваясь от ленинского «искусство должно быть понятно народу». Это и «Двенадцать» А.А. Блока, и революционные эпопеи В.В. Маяковского и С.А. Есенина. Это и «Книга про бойца» — «Василий Тёркин» А.Т. Твардовского, и шолоховские «Тихий Дон», и «Судьба человека», и даже «На ранних поездах» Б.Л. Пастернака.

Конечно, особый свет излучают произведения, напрямую связанные с истинной героикой Великой Отечественной. К.М. Симонов, ещё в тридцатые годы зарекомендовавший себя как поэт, посвящаю-

шла перед героем этого стихотворения — и перед Москвой. Вот — первая холодная осень войны:

Зябкой ночью солдатской
В сорок первом году
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.
Грохот фронта бессонный
Шёл как будто вослед.
Редко встречной колонны
Скрытый вспыхивал свет.
Тьма предвестий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.
И просились простые
К ней из сердца слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

У этого стихотворения был и неминуемый счастливый конец — торжество героев, их триумфальный путь:

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на Запад,
Спал и ел на ходу.
...Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.
Шла, исполнена гнева,
В тот, решающий, бой.
И гудящее небо,
Точно щит, над собой
Высоко пронесла...
«Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва, Москва!...»

Многое переплелось в этом замечательном стихотворении. Эпическое мышление, свойственное стилю Твардовского, позволило поэту решить самую захватывающую задачу: он прочувствовал дух и шаг истории, времени. Мы помним, как героический образ непокорённой, горящей Москвы 1812 года отразился в поэзии Фё-

дора Глинки. Это — классическая традиция, продолженная Твардовским. Но нужно сказать и о песенной традиции — вспомним, например, в те же годы написанную Ошаниным песню «Ехал я из Берлина» («Ехал мимо Варшавы, / Ехал мимо Орла — / Там, где русская слава все дороги прошла!..»).

Нужно сказать, что в годы Великой Отечественной в центральной прессе было на удивление много поэзии. В «Правде» за 1944-й или 1945 год вышло больше стихов, чем в «Литературной газете» за 1995-й или 1996-й... Конечно, там публиковались не только шедевры. Более того: акцент делался на стихах, ясных и понятных каждому бойцу Красной Армии, каждой солдатской матери или жене. И всё-таки перечень поэтов — авторов «Правды» в военные годы впечатляет: Александр Трифонович Твардовский, Самуил Яковлевич Маршак, Борис Леонидович Пастернак, Михаил Васильевич Исаковский, Константин Михайлович Симонов.

Четверг, 3 мая 1945 года. Правдинская передовая гласит: «Знамя Победы водружено над Берлином!» Ликующие строки центральной газеты звучали в душах каждого человека: «Берлин пал! Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту возвестил величайшую победу советского оружия. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева завершили разгром Берлинской группы немецких войск и 2 мая полностью овладели столицей Германии Берлином — центром германского империализма и очагом немецкой агрессии». А рядом с фронтовыми новостями — заметка о столетии академика И.И. Мечникова, репортаж поэта Николая Тихонова о падении Берлина и стихотворения Алексея Суркова и Самуила Маршака. Армия шла в ногу с наукой и поэзией. Торопливые, но такие нужные победные стихи оживали на газетных страницах:

Тысячевёрстную дорогу
 Прошёл советский исполин,
 Настиг врага и взял Берлин,
 Ворвавшись в тёмную берлогу.

Это Маршак. Сурков в ночь литературного дежурства создал «День торжества»:

И ныне, перед всей вселенной,
 Той справедливости закон,
 Святой, незыблемый, нетленный,
 Отвагой смертных утверждён.
 Мы совесть мира. И отмщенье
 Несли мы сквозь огонь и ад.
 Ты высшей правды воплощенье,
 Великий сталинский солдат.

Нет, эти строки не вошли в нашу поэтическую классику. Они — документ истории, красноречивое свидетельство о героических днях и ночах.

Далёкая от советской гражданственности А.А. Ахматова в годы войны обратилась к жанру гражданской лирики. Патриотизм Ахматовой — глубинный, идущий от корней классической русской литературы, от пушкинского и некрасовского понимания народности. Очень важными для Ахматовой стали призывные строки, рождённые в 1941-м:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
 И что совершается ныне.
 Час мужества пробил на наших часах
 И мужество нас не покинет.

Военные испытания проверили на прочность понятие «народность». Очень точно написал об этом в стихотворении «Музыка» поэт-фронтовик А. Межиров:

Солдатам голову кружа,
 Трёхрядка под накатом брёвен
 Была нужней для блиндажа,
 Чем для Германии Бетховен.
 И через всю страну струна
 Натянутая трепетала,
 Когда проклятая война
 И души, и тела топтала.
 Стенали яростно, навзрыд,
 Одной единой страсти ради
 На полустанке инвалид
 И Шостакович в Ленинграде.

В них, в этих мыслях и эмоциях, заключённых в поэтические строки, и существует тесно связанный с народной историей культурно-исторический феномен, называемый *героикой*.

Конечно, герои Великой Отечественной были бы увековечены в наших сердцах и без героической поэзии, посвящённой их подвигу. Но справедливо и то, что Победа 1945 года была победой и нашего народа, и нашей культуры. А вклад наших поэтов в это великое свершение нельзя переоценить.

4

У нас никогда не было и не будет иной всенародной идеи, кроме идеи подвига, победы. Школа является тем институтом, который вводит молодых граждан в мир нашего Отечества. И чтобы этот мир продолжал своё существование, необходимо не прерывать традиций. Очень многое зависит от того, сумеем ли мы достойно представить на уроках истории и литературы глубины русской героики.

Москва